

Цзи Цинъюэ каждый раз просыпался под звуки, доносящиеся со стороны дома Ли, постепенно выплывая из сна. Пережив период, когда под рукой не было никаких электронных приборов, он чувствовал, что понемногу привыкает к такому оздоровительному режиму с ранним отходом ко сну и ранним подъемом.

День начинается с рассвета.

Цзи Цинъюэ сел, потянулся и вышел из хижины, чтобы оценить сегодняшнюю температуру. И действительно, ему не казалось — сегодня было холоднее, чем вчера.

Неужели началось похолодание?

Похолодание не сулило ему ничего хорошего. Стоит помнить, что он находился на севере, где температура часто опускалась ниже нуля, а морозы в несколько десятков градусов ниже нуля здесь были обычным делом. Пытаться противостоять холоду с помощью одной лишь толстовки, костра и этой хижины — всё равно что идти войной с богомолем наперевес или переоценивать собственные силы.

Цзи Цинъюэ прикинул про себя: нужно заблаговременно спланировать обжиг кирпича, а также заранее позаботиться о теплой одежде.

Но самым главным сейчас была еда!

Первым делом после пробуждения нужно было подбросить дров в костер. Чтобы пламя не погасло, пока он спал, с вечера Цзи Цинъюэ положил на огонь большую деревянную чурку, а затем разровнял угли, чтобы они медленно обугливали этот чурку. Ради тепла он прорубил дверь в середине задней стены хижины, так что теперь мог попадать прямо к грядкам и кострищу, не перебираясь через плетеный забор.

Подбросив дров, Цзи Цинъюэ смог наконец внимательно осмотреть огород. Хотя ростки были редкими, они радовали глаз — было видно, что все они старательно тянутся вверх.

Цзи Цинъюэ расплылся в улыбке любящего отца.

Убедившись, что с рассадой всё в порядке, он на время успокоился и с глиняным кувшином в руках отправился к ручью умываться. Когда телефон разрядился, ему ничего не оставалось, кроме как наполнять доверху глиняный кувшин водой и использовать водную гладь вместо зеркала.

Цзи Цинъюэ посмотрел на отражение в воде: он всё больше и больше походил на дикаря. Борода росла день ото дня, и за полтора месяца его прежде гладкие щеки заросли так, что стали похожи на дикий бурьян; всклокоченная борода скрывала половину лица, из-за чего он выглядел намного старше.

Раньше он так завидовал деревенской жизни, которую показывали в сельских реалити-шоу или профессиональные блогеры. Теперь же, испытав всё это на собственной шкуре, Цзи Цинъюэ был готов отвесить себе затрещину. Всё оказалось совсем не так, как в его мечтах о комфортной и размеренной сельской жизни — это место было до крайности первобытным, без каких-либо переходных этапов, и он в одночасье превратился в пещерного человека, о каком-либо комфорте здесь не было и речи.

Умывшись, Цзи Цинъюэ взбодрился, наполнил кувшин водой и вернулся, чтобы полить ростки.

У всех ростков уже проклюнулись новые листья, они выросли разными по высоте и величине, самой разнообразной формы. Когда они еще были семенами или только пробивались, Цзи Цинъюэ никак не мог отличить их друг от друга, но прошло всего два дня, и у них начали проявляться собственные черты. К своему удивлению, он обнаружил, что, кажется, уже способен их различать.

Это было всё равно что рассуждать: даже если ты не видел свинью целиком, ты хотя бы ел свинину. Хотя раньше ему никогда не доводилось наблюдать за процессом роста этих овощей, и он крайне редко заглядывал на рынки или в овощные отделы супермаркетов, дома и в школьной столовой он наелся их вдоволь, да и научно-популярные передачи по телевизору сделали свое дело — можно сказать, они с этими овощами были косвенно знакомы уже добрый десяток лет.

Он присел на корточки возле грядок и стал медленно вглядываться. Некоторые виды уже можно было узнать, но для других придется ждать появления плодов.

Помимо молодых всходов, было еще шесть разных категорий семян. В зависимости от того, какая часть растения употреблялась в пищу после созревания, различались и особенности, проявлявшиеся на листьях и стеблях: те, что давали съедобные корни, сосредоточились на развитии корневой системы, а их надземная часть оставалась низкой — по крайней мере, намного ниже тех растений, что неукротимо тянулись вверх. У тех растений, которые плодоносили на стеблях, стебли развивались отлично и росли вверх наподобие деревьев.

Всё это были особенности, которые Цзи Цинъюэ заметил сам и которые помогали ему проводить различия.

Помимо этого, имелось несколько совершенно особенных культур, в которых Цзи Цинъюэ был уверен без всяких догадок. Тогда он осторожно рассыпал горсть семян, и теперь они все вззошли: вместо того чтобы ветвиться подобно древесным сучьям, их листья, похожие на тонкие ленты, устремились строго вверх — это был лук-батун.

Семян лука-батуна было чуть меньше, чем рисовых, и по количеству они занимали второе место в пакетике с семенами. Цзи Цинъюэ слышал от других, что лук-батун можно срезать снова и снова; если это действительно так, разве у него не будет бесконечного запаса лука?

В будущем можно будет побаловать себя пельменями с луком.

Помимо лука-батуна, прекрасно рос еще один овощ. Цзи Цинъюэ прикинул на глаз длину выросших стеблей и листьев — они уже достигали высоты в один его палец и обладали весьма яркими отличительными чертами.

Этот сельдерей растет просто отлично!

Среди всех развивающихся овощей сельдерей показывал самые впечатляющие успехи: еще вчера было непонятно, что это такое, а сегодня он так вытянулся, что Цзи Цинъюэ сразу его узнал.

Но наряду с теми, кто развивался хорошо, были и отстающие.

Чтобы наглядно отслеживать их рост, Цзи Цинъюэ ежедневно втыкал деревянные палочки, чтобы отмечать их высоту. За три дня он воткнул три палочки: у остальных овощей изменения были заметны невооруженным глазом, и лишь рассада на грядке выглядела примерно так же, как вчера, прибавив в росте совсем чуть-чуть, да и листья остались прежними.

Раз уж он проводил сравнительный эксперимент, Цзи Цинъюэ отправился к заливному полю и, как он и предполагал, рисовая рассада там оказалась намного выше вчерашней, а ее листья стали еще зеленее и длиннее.

Результаты этого сравнения подсказали, как следует действовать дальше: необходимо создавать для каждой культуры благоприятную среду обитания, соответствующую ее биологическим особенностям.

Чудесная земля лишь ускоряла рост растений, но не меняла их природных свойств. Каждое растение нуждалось в наиболее подходящей для него среде, и если изменить ее насильственно, растение, конечно, выживет, но развиваться будет хуже, чем в идеальных условиях, а это, пожалуй, еще и скажется на качестве урожая.

Придя к такому выводу, Цзи Цинъюэ невольно встревожился. Его багаж знаний о земледелии был крайне скуден: он знал лишь условия выращивания пары-тройки овощей вроде лотоса, который нужно сажать в илистой воде, да риса для заливных полей. Во всех остальных случаях он полагал, что большинство растений можно сажать везде, где есть земля... наверное.

Раньше Цзи Цинъюэ видел, как знатоки огородничества выращивают овощи в самых разных местах. Наверняка этот навык, впечатанный в ДНК, передался и ему — по крайней мере отчасти. Не зря же говорят, что все китайцы умеют выращивать овощи, не может же он быть исключением.

Хозяин, эта глава еще не закончилась, пожалуйста, нажмите на следующую страницу для продолжения чтения, дальше будет еще интереснее!

Подумав об этом, Цзи Цинъюэ успокоился: была не была, а чудесная земля, пожалуй, не позволит ему понести слишком большие убытки.

Затем он пересадил всю рассаду с суходольной грядки на заливное поле и добавил туда еще немного воды. На этом сегодняшние крестьянские заботы подошли к концу, и можно было приступить к другому плану — обжигу кирпича.

То, как обжигать кирпич, он знал благодаря просмотренным ранее видеороликам. Обжигать предстояло не фабричный красный или синий кирпич, а самые обычные глиняные блоки, требования к которым были минимальны, а критерий успеха всего один — не размокать в воде.

Раз уж нужно обжигать кирпич, придется строить обжиговую печь, к тому же процесс этот требует непрерывного горения огня, по крайней мере в течение семи-восьми часов подряд. По соображениям пожарной безопасности и скрытности печь нельзя было ставить близко к хижине. А поскольку для топки требовалось немало дров, чтобы не таскать их туда-сюда, место для печи нужно было выбрать поближе к лесу. Позже обожженные кирпичи пойдут на строительство дома, так что, дабы сократить расстояние для переноски, в итоге площадку под кирпичную печь решили разбить прямо на месте будущего строительства.

Учитывая все эти факторы, Цзи Цинъюэ решил построить печь в правом лесу, в ста метрах от хижины.

Там находилась небольшая поляна с редкими деревьями, так что вырубать много растительности не пришлось бы. Стоя на этой поляне, Цзи Цинъюэ заметил впереди пологий холм, поросший редкими лиственными деревьями; сразу за холмом бежал тот самый ручей, на берегах которого росло множество диких злаков, шедших на покрытие крыши хижины — в прошлый раз он набирал их именно там.

Сам холм был густо зарос самым разным разнотравьем и деревьями, которые художник, судя по всему, набросал как попало, но теперь это шло Цзи Цинъюэ на руку: благодаря укрытию из холма и деревьев посторонний наблюдатель картины не заметил бы, что за холмом вырос еще один дом.

На самой поляне деревья росли редко. Прикинув на глаз, Цзи Цинъюэ решил, что потребуется срубить всего три не слишком толстые сосны.

Ему была нужна каменная топор-секира.

Расчистив поляну от срубленных деревьев, он должен был приступить к строительству печи. Конструкцию печи первого поколения он уже продумал в своей голове.

Материалами для строительства печи служили лишь глина да вода. Глины на поляне было вдоволь, а чтобы доставить воду, предстояло прокопать канавку, ведущую прямо к месту постройки.

Тщательно спланировав каждый шаг, Цзи Цинъюэ принялся за дело без излишней спешки, уверенно и методично воплощая в жизнь все пункты своего плана.

Пока он был всецело поглощен хлопотами, семья Ли тоже не сидела сложа руки. Дома остались лишь дядя и племянник — Ли Эрлан и маленький Туанлан, — в то время как остальные отправились собирать фрукты.

Стоило отдать должное отменному здоровью Ли Эрлана: рана на ноге заживала с видимым глазом облегчением. Если вчера ему еще требовалась палочка, то сегодня он хоть и прихрамывал, но уже обходился без нее.

Ли Эрлан как раз проверял семена пшеницы в амбаре. Он собирался подождать еще пару дней, пока рана на ноге затянется еще лучше и завершится сбор фруктов, чтобы затем заняться удобрениями, заделать их в почву и в начале октября засеять пшеницу.

Пока второй дядя был занят, живой и подвижный малыш Туанлан, способный бегать и прыгать где угодно, крутился рядом. В обычное время, когда взрослые были свободны, госпожа Ли брала его с собой поиграть с другими детьми, но сейчас все члены семьи были заняты делом, и водить мальчика на прогулку было некому, так что ему оставалось лишь развлекать себя самому, перебирая ручонки.

Тем не менее, стоило Ли Эрлану хоть на секунду отвлечься и упустить племянника из виду, как карапуз снова куда-то убежал, и каждый раз приходилось тратить время на то, чтобы отловить его и вернуть поближе к себе.

Вот и сейчас, пока он отвлекся на подсчет зерна, стоявший у его ног Туанлан снова выскользнул из амбара и зашуршал короткими ножками куда-то вдаль.

Услышав возню, Ли Эрлан тут же обернулся и посмотрел в ту сторону, куда побежал мальчик. Подумав, что ворота во двор закрыты и Туанлан, скорее всего, снова отправился в кабинет послушать, как Сылан зубрит уроки, ничего страшного случиться не должно, и он спокойно продолжил пересчитывать семена.

И действительно, всё оказалось так, как предполагал Ли Эрлан: едва выбежав из зернохранилища, Туанлан напрямик направился в кабинет. Малыш еще плохо умел выражать свои мысли, и хотя другие этого не знали, он-то помнил: в кабинете жил небожитель!

Раньше Цзи Цинъюэ опасался, что маленький Туанлан по детской простоте сболтнет лишнего и выдаст его тайну нахождения внутри картины. Однако после того, как мальчик несколько раз оговорился и принялся бормотать про небожителя, а окружающие не обратили на это никакого внимания, он успокоился — ну конечно, никто из них не верил, что в картине действительно может кто-то жить.

Поэтому теперь он каждый день со спокойной душой прислушивался к тому, как Ли Туанлан

прибегал в кабинет и разговаривал сам с собой.

Этот день не стал исключением. Едва услышав снаружи детское лепетание, Цзи Цинъюэ понял, что малыш снова явился.

Приходя в кабинет, Туанлан никогда не приближался вплотную к холсту, а лишь с трудом карабкался на стул и, подражая тому, как Ли Санлан и Ли Сылан сидят за письменным столом и читают книги, что-то оживленно бормотал себе под нос, прекрасно проводя время в одиночестве.

Когда кабинетом никто не пользовался, кисти, тушь, бумага и чернильница со стола убирались, чтобы Туанлан в порыве детского энтузиазма чего-нибудь случайно не испортил.

Шум от проделок Туанлана в кабинете стоял небольшой: он лишь шлепал ладошками по столу, стучал игрушками, а затем звонко хрустел финиками.

Сегодня всё шло как обычно.

Цзи Цинъюэ сидел на корточках у ручья и точил камень, изготавливая каменный топор, а снаружи раздавалось монотонное, повторяющееся снова и снова детское бормотание: Шан да жэнь...

Представляя себе, как карапуз пытается изобразить из себя важного взрослого, Цзи Цинъюэ невольно улыбался — этот знакомый голос помогал ему заглушить страх в душе.

Он не был брошен, просто его отгородили в крошечном мирке.

Беда подкралась внезапно.

Цзи Цинъюэ услышал, как детское щебетание резко оборвалось. Следом раздался приступы удушливого кашля, переходящего в тихое, сдавленное мычание — звук был таким, будто кому-то перекрыли горло, и сил подать голос у ребенка уже не оставалось.

В следующую секунду раздался глухой стук — судя по всему, малыш сорвался со стула и рухнул на пол. И даже после этого ребенок не заплакал громко.

В этот момент Цзи Цинъюэ понял: дело было вовсе не в том, что ребенок не хотел плакать — он просто не мог издать ни звука.

Малыш чем-то подавился!

Охваченный паникой, Цзи Цинъюэ бросился на деревянный мостик и, вполне ожидаемо, с глухим стуком врезался в невидимый прозрачный барьер.

Хозяин, эта глава еще не закончилась, пожалуйста, нажмите на следующую страницу для продолжения чтения, дальше будет еще интереснее!

Отброшенный назад барьером, он в отчаянии заколотил по нему кулаками. Под звуки частых глухих ударов Цзи Цинъюэ терял последние крохи самообладания, но как бы сильно он ни бился о преграду, пропустить его она не желала.

— Туанлан! Ты меня слышишь?!

Единственным ответом ему был слабый плач ребенка.

Ситуация была критической, и раздумывать было некогда. Сменив цель, Цзи Цинъюэ повысил голос и заорал во всю мочь:

— Эрлан! Ли Эрлан!

Он не знал, где сейчас находился Ли Эрлан, оставалось лишь молиться, чтобы тот услышал его крик и примчался со всех ног!

— Ли Эрлан!! Ли Чансян!!! Живой появляйся!

В зернохранилище за жилым домом Ли Эрлан замер на полуслове, прервав свою работу. Ему что, послышалось? Иначе с чего бы в их доме раздаваться какому-то незнакомому голосу, который звал его по имени?

Хотя он и не верил в это, он всё же отложил пшеницу, выпрямился и подошел к двери амбара, прислушиваясь — а вдруг и вправду слуховые галлюцинации?

Неизвестно откуда донесся еще более отчетливый окрик:

— Ли Эрлан!! Ли Чансян!!!

Словно от толчка проснувшись, Ли Эрлан схватил стоявший у двери коромысло и, прихрамывая, выбежал из зернохранилища прямо во двор.

Никакие не галлюцинации! В дом и впрямь пробрался чужак!

Он мог поклясться, что голос доносился из какой-то части усадьбы.

Вспыхнувшая в голове догадка тут же подсказала Ли Эрлану: это тот самый негодяй, что науськал Сылана украсть лепешку!

Сжав коромысло, Ли Эрлан обошел жилой дом и замер посреди двора. В ту же секунду с левой стороны раздался яростный вопль:

— Ли Эрлан, твою мать, где ты есть?! С твоим ребенком беда!

Едва прозвучали эти слова, Ли Эрлан сорвался с места с ловкостью пикирующего сокола и бросился влево.

Голос доносился из кабинета!

И там же звучал слабый плач Туанлана!

Сердце у него сжалось в комок, и в тот момент, когда он влетел в комнату, в голове пронеслись худшие картины!

Переполненный мрачной яростью Ли Эрлан чувствовал, как от острой боли в ноге сознание становится лишь острее. Взмахнув коромыслом, он вихрем влетел внутрь:

— Туанлан!

Оказавшись в комнате, Ли Эрлан мгновенно увидел лежавшего на полу посиневшего Туанлана. Малыш был едва жив, слабо взмахивал ручонками и не мог вымолвить ни звука.

— Туанлан!!

Забыв о незнакомом голосе, Ли Эрлан бросил коромысло и кинулся поднимать мальчика.

Туанлан в ужасе сжимал горло руками, широко открывая рот и издавая лишь сдавленное «а-а-а», но выдохнуть уже не мог — его глаза закатились.

— Он что, подавился?!

Едва прозвучал этот голос, у Ли Эрлана от страха зашевелились волосы на голове, а звериное чутье подсказало ему взглянуть на висевшую на стене картину.

Голос исходил прямо оттуда!

Хотя его потрясла вся эта жуткая сцена, когда человека не видно, но слова отчетливо слышны, Ли Эрлан сейчас переживал за Туанлана куда сильнее — всё его существо было сосредоточено лишь на спасении племянника, и он выпалил:

— Да!

— Делай быстро то, что я скажу, иначе будет поздно!

Не дожидаясь ответа, Цзи Цинъюэ продолжил скороговоркой:

— Одной рукой поддержи снизу его подбородок и переверни лицом к полу, а руку, которой держишь, зафиксируй у него на груди так, чтобы он не сорвался вниз!

Ли Эрлан моментально исполнил команду. Цзи Цинъюэ не мог видеть происходящее снаружи и не знал, насколько точно тот выполнил движение. Услышав вопрос Ли Эрлана о дальнейших действиях, он был вынужден действовать наобум:

— Опусти его голову как можно ниже, а второй рукой быстро ударь его по спине! То есть резко хлопни по спине! Следи за тем, не вылетит ли что-нибудь у него изо рта!

Не дожидаясь новых окриков, рука Ли Эрлана уже в точности повторила то, что велел невидимка. На четвертом сильном ударе Туанлана вырвало, и вместе с рвотными массами на пол выпал какой-то предмет, покотившись по земле.

Это был надкушенный финик.

Услышав изнутри картины хриплый детский плач, который был громче прежнего, Цзи Цинъюэ догадался, что Туанлан наконец избавился от застрявшего предмета, и с облегчением выдохнул, тут же отдав новое распоряжение:

— Бегом неси его к лекарю, пускай осмотрят горло — мало ли какие еще повреждения остались!

Ли Эрлан все еще дрожал от пережитого ужаса, прижимая к себе племянника. С того момента, как удалось спасти мальчика, его тело действовало уже на уровне рефлексов, повинаясь голосу с картины.

Услышав призыв показать ребенка врачу, он подчинился механически. Но уже выпрямившись и сделав шаг к выходу, он вдруг замер, нерешительно оглянувшись на висевшую на стене картину.

Помедлив с секунду и приняв тяжелое решение, он коротко поблагодарил невидимого

спасителя:

— Спасибо тебе, благодетель!

С этими словами он крепко прижал к груди тихо скулящего Туанлана и стремительно выбежал из кабинета.

Мчась по дороге в деревню, Ли Эрлан наконец обрел ощущение реальности, словно вырвался из кошмарного сна. Почему картина вдруг заговорила человеческим голосом? Неужели всё происходившее и впрямь не было сном?

Он посмотрел на прижимаемого к груди Туанлана: лицо мальчика было залито слезами, голос сорван, а сам он тяжело и беззвучно всхлипывал.

Осязаемая тяжесть и тепло маленького тела были настоящими. Только теперь Ли Эрлан окончательно уверовал: всё случившееся было самой что ни на есть правдой.

Картина действительно умела говорить!

<http://bllate.org/book/20806/2091678>